

После полудня Чжан Жоюань собрал всех слуг в главном зале.

Выстроившись в ряд, прислуга стояла ни жива ни мертва, опасаясь, что их прошлые прегрешения открылись, и теперь ван решил свести с ними счеты.

Чжан Жоюань сидел во главе стола с холодным выражением лица. Стоило ему обвести собравшихся взглядом, как все слуги один за другим постыдливо опустили головы.

— Где Чжу Сы? — спросил Чжан Жоюань.

Чжу Сы поспешно вышел из толпы:

— Я здесь, господин.

— Позвать людей, — бесстрастно распорядился Чжан Жоюань, словно отдавал приказ выдать кому-то награду, а не лишить человека жизни. — Уведите его и забейте палками до смерти.

Все присутствующие, включая Ван Чанцзиня, покрылись холодным потом. Когда двое стражников подхватили Чжу Сы под руки, тот в панике завопил:

— Я виноват! Прошу, господин, помилуйте, умоляю, сохраните мне жизнь!

Крики Чжу Сы раздирали душу, заставляя сердца присутствующих дрожать от страха. Но никто не посмел замолвить за него словечко — даже те, кто прежде водил с ним дружбу, не осмелились произнести ни звука.

Ван Чанцзинь машинально облизнул пересохшие губы. Несмотря на то что он недолюбливал Чжу Сы, он не считал, что тот заслуживает смерти. Выходки Чжу Сы ничем не отличались от поведения уличных хулиганов, но ведь не всех же уличных бродяг следует казнить.

Чжу Сы выволокли наружу. Чжан Жоюань приказал остальным слугам смотреть, как удар за ударом обрушиваются на тело Чжу Сы, пока тот не испустил дух.

До последнего момента Ван Чанцзинь надеялся, что Чжан Жоюань просто бросил слова на ветер, но когда тот действительно расправился с Чжу Сы, торжества от «возмездия» он не почувствовал. Напротив, его охватил ужас.

Ван был совсем другим. В свое время Третий принц слыл человеком милосердным и снисходительным, особенно добрым к слугам. Даже если те совершали ошибки, он в лучшем случае ограничивался парой резких слов, но никогда не прибегал к подобным наказаниям. Господа во дворце — люди знатные и высокородные: если повезет служить доброму хозяину — хорошо, но если попадется суровый и жестокий — не сосчитать, сколько раз успеешь умереть.

Хотя Чжу Сы был виноват, глядя на то, что с ним стало, Ван Чанцзинь не испытывал радости. Он ведь тоже всего лишь слуга, а жизнь слуги в глазах господ стоит меньше собачьей. Ван Чанцзинь думал: быть может, однажды и он, подобно Чжу Сы, вот так бесшумно и незаметно уйдет из жизни?

И кому тогда будет дело до того, жив он или мертв?

Слуги, привыкшие к праздному существованию, впервые столкнулись с такой кровавой сценой, и многих это сильно потрясло. В последующие дни в поместье стало намного тише.

Своим недалеким умом Ван Чанцзинь догадался: это, должно быть, то самое назидание «убить курицу, чтобы напугать обезьяну», о котором когда-то говорил старый евнух, наводя порядок среди таких же несмышленных юнцов. Теперь он увидел это в исполнении господина, и методы Чжан Жоюаня оказались куда беспощаднее.

Из-за истории с Чжу Сы Ван Чанцзинь вдруг осознал, что нынешний Третий принц уже не тот, что прежде. Подавая чай или еду, он постоянно вспоминал вид умирающего Чжу Сы, отчего его охватывал страх, и он не решался даже поднять глаз на Чжан Жоюаня, из-за чего в последнее время сильно осунулся.

Раньше маленький слуга всегда смотрел на него с обожанием, а последние несколько дней даже не взглянет прямо. А если их взгляды случайно пересекались, лицо Ван Чанцзиня тут же менялось, что вызывало у Чжан Жоюаня недоумение.

— Тебе в последнее время нездоровится? — спросил он.

Ван Чанцзинь, как раз накладывавший ему еду, вздрогнул и замер с палочками в руках:

— Нет...

Чжан Жоюань забрал у него палочки и равнодушно произнес:

— Если нехорошо, не надо через силу терпеть. Ступай отдыхать.

Ван Чанцзинь ничего не ответил, молча развернулся и вышел.

<http://bllate.org/book/21904/2275534>